

УДК 347.19

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Т. Н. Сафронова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 марта 2013 г.

Аннотация: статья посвящена проблемам классификации юридических лиц на коммерческие и некоммерческие по характеру их правоспособности; анализируется сущность категории «специальная правоспособность» с точки зрения цивилистической доктрины и действующего гражданского законодательства; критикуется неоднозначность используемой законодателем терминологии для разграничения общей и специальной правоспособности юридических лиц; обращается внимание на негативные последствия совершения юридическим лицом сделок, выходящих за пределы специальной правоспособности, на основе сложившейся практики толкования и применения судами норм Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: юридическое лицо, коммерческие и некоммерческие организации, общая и специальная правоспособность, учредительные документы, предмет и цель деятельности юридического лица, регистрация юридических лиц, ничтожные и оспоримые сделки.

Abstract: article is dedicated to the problems of classification of legal persons into commercial and noncommercial depending on their legal capacity; the essence of the category «special legal capacity» from the point of view of the civil doctrine and the existing civil legislation is analyzed; ambiguity of the terminology used by the legislator for differentiation of the general and special legal capacity of legal persons is criticized; special attention is paid to negative consequences of commission by the legal person of the transactions which are carried out beyond special legal capacity, on the basis of established practices of interpretation and application by courts of standards of the Civil code of the Russian Federation.

Key words: legal person, commercial and noncommercial organizations, general and special legal capacity, foundation documents of legal person, subject and purpose of legal persons activity, registration of legal persons, void and voidable transactions.

131

Одной из наиболее значимых классификаций юридических лиц в отечественном законодательстве на сегодняшний день является их деление на коммерческие и некоммерческие. В качестве главного критерия данного разграничения законом используется такая категория, как «цель деятельности» организации. Статья 50 ГК РФ в виде основной цели деятельности коммерческой организации обозначает извлечение прибыли, в то время как некоммерческая организация имеет иные основные цели, примерный перечень которых обозначен в ст. 2 Федерального закона

«О некоммерческих организациях»¹. Представляется, что употребление терминологии «основная цель» носит условный характер, поскольку при наличии нескольких направлений деятельности могут возникнуть трудности с определением основного, на что обращалось внимание в юридической литературе уже вскоре после принятия Гражданского кодекса РФ². В связи с этим важным моментом в разграничении типов юридических лиц представляются дополнительные характеристики названных групп организаций. Статья 49 ГК РФ предоставляет организациям, не являющимся коммерческими, возможность иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности и нести связанные с этой деятельностью обязанности (абз.1 п.1).

Из данного законодательного положения следует, что важнейшим критерием разграничения коммерческих и некоммерческих организаций закон считает характер правоспособности юридического лица, наделяя некоммерческие юридические лица в отличие от основной массы коммерческих специальной правоспособностью. Однако закрепление идеи специальной правоспособности для одних типов организаций и общей для других носит в действующем законодательстве не всегда последовательный и четкий характер, что следует из анализа ряда положений гражданского законодательства.

1. В первую очередь обращает на себя внимание то, что не только некоммерческие организации, но и ряд коммерческих юридических лиц наделяются со стороны закона специальной правоспособностью. В ст. 49 ГК РФ в этом качестве речь идет об унитарных предприятиях, а также иных организациях, предусмотренных законом. Данная идея для унитарных предприятий обусловлена образованием их на основе публичной собственности для реализации социальных задач и защиты государственных интересов. Ограниченность сфер, в которых создается унитарное предприятие, следует из положений ст. 8 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»³. Перечень организационно-правовых форм, основанных на идее специальной правоспособности, расширяется законодателем. Так, недавно вступивший в силу Федеральный закон «О хозяйственных партнерствах» решает этому новому виду организаций иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных федеральными законами, если это не противоречит предмету и целям деятельности, определено ограниченным уставом партнерства и соглашением об управлении партнерством (ст. 2)⁴.

Что касается других коммерческих юридических лиц, то наглядным примером служат банковские и страховые организации. Специальная

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.

² См.: Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части первой (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова. М., 1997. С. 121.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 48. Ст. 4746.

⁴ Там же. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7049.

правоспособность связывается здесь не с организационно-правовой формой, а спецификой деятельности, которая в силу своей сложности требует концентрации исключительно на ней. И здесь обращает на себя внимание особенность изложения идеи специальной правоспособности. Если для остальных коммерческих организаций со специальной правоспособностью закон использует прием разрешительного регулирования при условии соответствия деятельности предмету и целям, то к подобным организациям, напротив, применяется прием запрета деятельности, не относящейся к предписанной законом для данной организации. Так, ст. 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп.) признает банком кредитную организацию, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности названные этой нормой банковские операции⁵. Статья 5 указанного закона конкретизирует разрешенные банковские операции, но при этом допускает и иные сделки кредитной организации, не закрывая их перечень. Ограничителем, очевидно, служит запрет этой же статьи для кредитной организации заниматься производственной, торговой, страховой деятельностью. Применительно к правоспособности страховой организации (страховщика) в ст. 6 Закона РФ от 22 ноября 1992 г. «Об организации страхового дела в Российской Федерации» определено, что это коммерческая организация, созданная в установленном законом порядке для осуществления страхования, перестрахования и взаимного страхования (и только)⁶.

Такое изложение существа правоспособности некоторых некоммерческих организаций дало ряду ученых основание для вывода о выделении наряду с общей и специальной правоспособностью третьего вида – исключительной правоспособности, которая носит более жесткий характер по сравнению со специальной правоспособностью⁷. Представляется, что употребление того или иного термина здесь не имеет большого практического значения. Скорее мы наблюдаем два законодательных приема изложения идеи специальной правоспособности коммерческой организации. Практическая значимость будет заключаться в способе констатации недействительности внеуставной сделки. Если в первом случае суду придется оценивать соответствие конкретной сделки юридического лица его уставным целям, то применительно к организациям со специфическим характером деятельности о недействительности будет свидетельствовать непопадание сделки в круг прямо разрешенных законом или отнесение такой сделки к числу запрещенных законом для организаций данного вида.

Интерес вызывает и предоставленная п. 2 ст. 52 ГК РФ возможность коммерческой организации закрепить в учредительных документах предмет и определенные цели деятельности в случаях, когда по закону это не является обязательным. С практической точки зрения это, очевидно, оз-

⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 6. Ст. 492.

⁶ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 2. Ст. 56.

⁷ См.: Тосунян Г., Викулин А. Исключительная правоспособность банка // Хозяйство и право. 1999. № 5. С. 59.

начает, что из положений устава о видах деятельности, которыми организация намеревается заниматься, следует невозможность осуществления иных вариантов. Если же перечисление предмета или видов деятельности заканчивается фразой «и другие», о наличии ограничения речь не идет и подобное перечисление имеет малый смысл, поскольку допустимым становится и все остальное, прямо не запрещенное законом. Природа такого самоограничения со стороны коммерческой организации неоднозначно оценивается в юридической литературе. Так, Н. В. Козлова, разграничивая правоспособность юридического лица и субъективное право организации на занятие определенным видом деятельности, делает вывод об отсутствии в данном случае ограничения правоспособности коммерческой организации. По ее мнению, речь идет об отказе организации от реализации субъективного права, составляющего один из элементов содержания правоспособности⁸. С таким выводом трудно согласиться. Во-первых, если рассматривать правоспособность как абстрактную возможность иметь права и нести обязанности, предпосылку правообладания, вряд ли возможно включение конкретного субъективного права (а реализация относится именно к таковому) в состав правоспособности. Согласно положениям ст. 9 ГК РФ, отказ от осуществления права не влечет по общему правилу его прекращения, в данном же случае организация лишена права заниматься тем или иным непоименованным в учредительных документах видом деятельности до внесения в них соответствующих изменений. На наш взгляд, в таком самоограничении происходит именно «сжатие» возможности иметь иные права, помимо связанных с обозначенным в документах предметом деятельности, т.е. об ограничении правоспособности.

Представляется, что закрепление такого самоограничения правоспособности лишено практического смысла, и названное положение следует исключить из ст. 52 ГК РФ. Определение сути и объема правоспособности лиц является прерогативой законодателя. Коммерческая организация вынуждена в силу объективной экономической необходимости мобильно действовать на рынке, изменяя направления своей деятельности в сторону наилучших условий получения прибыли. Подобное ограничение «тормозит» мобильность организации, заставляя ее вносить изменения в учредительные документы. Ограничение данного рода лишено какой-либо пользы для общества и контрагентов юридического лица, порождает к тому же специальный состав недействительной сделки в норме ст. 173 ГК РФ. Такой состав вряд ли содержит нарушение закона и не вписывается в общее понятие недействительной сделки, определяемой в ст. 168 ГК РФ как несоответствующей закону или иному правовому акту.

Не лишено противоречий распространение в действующем законодательстве режима специальной правоспособности и на отдельные виды некоммерческих организаций. Так, согласно положениям п. 3 ст. 50 ГК РФ разрешение на занятие предпринимательской деятельностью для некоммерческой организации в качестве обязательного условия осущест-

⁸ См.: Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 25–26.

вления такой деятельности предполагает ее соответствие целям, ради которых она создана, а также служение достижению этих целей. Казалось бы, делать аналогичные оговорки в нормах, посвященных отдельным видам некоммерческих организаций, не имеет смысла по причине наличия общего императивного положения. Однако определяя содержание права оперативного управления различных видов учреждений в сравнительно новой редакции ст. 298 ГК РФ, законодатель, видимо, следовал иной логике. Применительно к автономным и бюджетным учреждениям соответственно в п. 2 и 3 указанной статьи подробно перечисляются условия осуществления учреждением приносящей доход деятельности. Одного указания в уставе на право заниматься ею явно недостаточно, необходимо еще и то, что она служит достижению основных целей и соответствует им. Изложение этих условий выглядит как дублирование общей нормы ст. 50 ГК РФ. Применительно к частному учреждению два последних условия в п. 1 ст. 298 ГК РФ не называются, достаточно лишь закрепление права на занятие деятельностью, приносящей доход, в учредительных документах. Возможно, и здесь следовало бы применять общие положения о правоспособности некоммерческой организации из ст. 50 ГК РФ. Однако системный анализ ст. 298 ГК РФ наталкивает на мысль о принципиальном отличии частного учреждения от бюджетного и автономного в части возможности первого осуществлять любую предпринимательскую деятельность, которую учредитель разрешил при утверждении устава. Иначе не имело бы смысла вторичное изложение уже известных из общих положений законодательства о некоммерческих организациях условий специальной правоспособности для автономных и бюджетных учреждений. Таким образом, прочтение ст. 298 ГК РФ в системе наталкивает на мысль об исключении частного учреждения из действия принципа специальной правоспособности в виде предоставления учредителю – частному лицу – права разрешать созданному им учреждению любую законную предпринимательскую деятельность. Но такое прочтение, соответствуя смыслу данной статьи, противоречит императивным нормам ст. 50 ГК РФ о статусе некоммерческой организации.

Из изложенного выше следует, что использование только критерия, отталкивающегося от характера правоспособности, для разграничения коммерческих и некоммерческих организаций недостаточно, поскольку многие коммерческие организации также наделяются специальной правоспособностью, а на примере хозяйственного партнерства мы наблюдаем тенденцию расширения их круга. Неизбежно в качестве дополнения приходится искать другой критерий, и в такой роли может выступать запрет на распределение прибыли между участниками некоммерческой организации, следующий из п.1 ст. 50 ГК РФ. Однако и в этом вопросе законодательство не смогло избежать противоречий.

Такая организационно-правовая форма некоммерческой организации, как потребительский кооператив, является примером несоответствия этому императивному положению. Статья 116 ГК РФ заявляет о распределении доходов, полученных кооперативом, между его членами

в соответствии с законом и уставом. Статья 24 Закона РФ «О потребительской кооперации»⁹ ограничивает размер кооперативных выплат определенными пределами, однако это не отменяет противоречия основополагающему признаку некоммерческой организации. Наличие паевых отношений порождает обязательственные связи между членами кооператива и им самим, роднит его с производственным кооперативом, а следовательно, с корпоративной коммерческой организацией. Следствием этого является разрешение законодателя распределять прибыль между членами такой организации. Данная особенность подтолкнула некоторых цивилистов, занимающихся исследованием гражданско-правового регулирования потребительской кооперации, к выводу о самостоятельном месте потребительских кооперативов в системе юридических лиц за рамками существующей двухчленной классификации¹⁰.

Не условность ли разграничения организаций на эти два больших класса привела законодателей Украины в ходе кодификации гражданского законодательства к реализации идеи об отказе от классификации организаций на коммерческие и некоммерческие? Здесь используется отличная от российской модель конструирования системы юридических лиц, основанная на разграничении юридических лиц публичного и частного права. Последние с учетом способов создания могут иметь формы обществ (предпринимательских или непредпринимательских) или учреждений. Универсальной (общей) правоспособностью обладают предпринимательские общества, в то время как непредпринимательские общества и учреждения наделяются специальной правоспособностью, которую украинские цивилисты именуют ограниченной¹¹.

2. Закрепляя идею специальной правоспособности, законодатель не смог избежать терминологических расхождений применительно и к коммерческим, и некоммерческим организациям в определении сущности этой идеи. Им используется как минимум три различных термина. В ст. 49 и 50 ГК РФ смысл специальной правоспособности обозначается в виде необходимости соответствия деятельности юридического лица целям, ради которых оно создано. Пункт 2 ст. 52 ГК РФ требует для организации со специальной правоспособностью закрепления в учредительных документах уже не только цели, но и предмета деятельности. Статья 9 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» в числе обязательных элементов содержания устава называет цели, предмет и виды деятельности, тем самым вводя третий термин для обозначения сущности специальной правоспособности. О видах деятельности юридического лица упоминается и в абз. 2 п. 1 ст. 49 ГК РФ, правда, в связи с общей правоспособностью, являющейся антиподом спе-

⁹ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Рос. Федерации. 1992. № 30. Ст. 1788.

¹⁰ См.: *Тычинин С. В.* Гражданско-правовое регулирование потребительской кооперации в России. СПб., 2004. С. 339.

¹¹ См.: *Правовая система Украины : история, состояние и перспективы* : в 5 т. Харьков, 2011. Т. 3. С. 228–236.

циальной. Так как ст. 49 ГК РФ использует еще и категории «гражданские права» и «гражданские обязанности», это дает отдельным авторам основание для вывода о том, что «специальная правоспособность предполагает наличие у юридического лица лишь таких прав и обязанностей, которые соответствуют целям его деятельности и прямо зафиксированы (права и обязанности. – Т. С.) в его учредительных документах»¹². Здесь речь идет о еще большей степени детализации содержания устава организации до уровня перечисления ее прав и обязанностей. Такая идея совершенно справедливо критикуется учеными, поскольку «выполнить данное требование нереально из-за обилия прав и обязанностей, которые может иметь юридическое лицо»¹³.

Отметим, что все негативные последствия, вытекающие из нарушения специальной правоспособности (о которых пойдет речь ниже), Гражданский кодекс РФ связывает с несоответствием деятельности организации именно установленной цели, поэтому ее обозначение имеет первостепенное юридическое значение. Проанализируем с лингвистической точки зрения содержание используемых законодателем терминов. Согласно определению толкового словаря под целью понимается «предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить»¹⁴. Иначе можно сказать, что целью является осознанный образ результата, к достижению которого стремится субъект, совершающий действие. Предмет определяется в одном из значений этого слова как «тот, то, на кого направлено какое-нибудь действие»¹⁵. В этом сочетании представляется, что всякое осуществление действия с определенным предметом преследует ту или иную цель. Скажем, если цель деятельности профессионального образовательного учреждения возможно определить как удовлетворение потребностей общества и государства в квалифицированных специалистах с высшим или средним профессиональным образованием, то предмет его деятельности может заключаться в реализации образовательных программ среднего профессионального, высшего профессионального образования, повышении квалификации работников, имеющих высшее профессиональное образование, и т.д. Можно согласиться с Н. В. Козловой в том, что предмет деятельности логично рассматривать как некую «сферу деятельности» лица¹⁶.

Что касается видов, то представляется разумной позиция К. П. Кряжевских о том, что виды деятельности, закрепленные уставом, представляют собой конкретизацию предмета деятельности¹⁷. Иными сло-

¹² *Елисеев И. В.* Юридические лица // Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. Ю. К. Толстого. М., 2011. Т. 1. С. 151.

¹³ *Козлова Н. В.* Указ. соч. С. 21.

¹⁴ *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2010. С. 875.

¹⁵ Там же. С. 580.

¹⁶ См.: *Козлова Н. В.* Указ. соч. С. 22.

¹⁷ См.: *Кряжевских К. П.* Право оперативного управления и право хозяйственного ведения по российскому гражданскому праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 96–97.

вами, виды являются некой «начинкой», внутренним наполнением предмета.

Каким же видится оптимальное изложение в ГК РФ нормы о сущности специальной правоспособности? Представляется, что логичным было бы использование именно категории «предмет деятельности», через призму соответствия которой оценивались бы все сделки юридического лица, а также приобретаемые им права. Предмет ограничивает ту сферу, в рамках которой организация сосредоточивает свою деятельность. Что касается цели, то ее использование в качестве критерия специальной правоспособности представляется излишним, поскольку та или иная деятельность неизбежно имеет цель, которая логическим образом следует из характера предмета такой деятельности.

Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, разработанная Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в качестве базовой основы для разработки проекта новой редакции Гражданского кодекса РФ заложила идею о необходимости исчерпывающего перечисления в уставах некоммерческих организаций всех видов разрешенной деятельности, включая предпринимательство¹⁸. Подобное предложение сомнительно и справедливо вызывает критику ученых-цивилистов. Следует полностью согласиться с Т. В. Сойфер в том, что «предусмотреть в уставе некоммерческой организации виды приносящей доход деятельности с такой степенью конкретизации, чтобы заведомо были исключены спорные ситуации в процессе ее осуществления, вряд ли возможно»¹⁹.

3. Интерес вызывает также соотношение норм гражданского законодательства об общей правоспособности большинства коммерческих организаций с действием нормативных актов, регламентирующих ведение Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД), который принят Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22 ноября 2007 г. с датой введения в действие 1 января 2008 г. на период до 1 января 2013 г. без отмены Общероссийского классификатора видов экономической деятельности ОК 029-2001²⁰. Приказом Госстандарта 24 декабря 2012 г. этот документ изменен для продления сроков его действия до 1 января 2015 г. Таким образом, в настоящее время одновременно действуют два подзаконных акта данного характера 2001 и 2007 гг. – ОК 029-2001 и ОК 029-2007.

Организациям с общей правоспособностью не предписывается обязательное закрепление в учредительных документах определенной цели, предмета или видов деятельности, поскольку общую цель для всех таких организаций определил сам закон в ст. 50 ГК РФ – извлечение прибыли. Однако Федеральный закон «О государственной регистрации юридичес-

¹⁸ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А. Л. Маковского. М., 2009. С. 48.

¹⁹ Сойфер Т. В. К вопросу о совершенствовании гражданского законодательства о некоммерческих организациях // Адвокат. 2011. № 3. С. 8.

²⁰ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ких лиц и индивидуальных предпринимателей» среди сведений, отражаемых в содержании единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) применительно к каждой организации, содержит обязательное указание на коды деятельности, избранной этим лицом по ОКВЭД (п. 1 ст. 5)²¹. Данная информация, не будучи отраженной в учредительных документах, сообщается учредителями юридического лица при подаче заявления о регистрации в жесткой форме, установленной постановлением Правительством РФ от 19 июня 2002 г.²² Сведения об избранных видах деятельности раскрываются заявителями в листе «И», в то время как их количество отражается в п. 9 названного заявления.

Какое же влияние оказывает наличие подобной рубрики заявления и запись в ЕГРЮЛ о кодах деятельности на правоспособность коммерческой организации? Ответ зависит от установления целей, для которых принят и введен в действие классификатор видов экономической деятельности. Первый из двух действующих классификаторов ОК 029-2001 в числе основных целей, преследуемых им, обозначил задачу, связанную с классификацией и кодированием видов экономической деятельности, заявляемых хозяйствующими субъектами *при регистрации*, из чего практикой нередко делается вывод о влиянии этого документа на процесс создания юридического лица и возможность отказа в его регистрации. Второй по времени документ, не отменивший первый акт, напротив, декларирует сугубо учетную цель своего существования в виде осуществления государственного статистического наблюдения по видам деятельности за развитием экономических процессов, что, следовательно, никак не должно влиять на механизм создания юридического лица.

Упомянутый выше Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в числе оснований для отказа в регистрации юридического лица закрепляет в основном формальные обстоятельства, не связанные с содержанием предоставляемых при регистрации документов. Так, ст. 23 указанного закона поводом для отказа считает непредставление требуемых законом документов в регистрирующий орган. Однако регистрирующие органы в лице подразделений Федеральной налоговой службы часто склонны рассматривать как непредставление необходимых документов отсутствие или неправильное отражение в них сведений, требуемых законом, в частности, что особенно интересно для анализируемой темы, неправильное использование положений ОКВЭД при указании деятельности, которую юридическое лицо будет осуществлять. Обращают на себя внимание многочисленные акты арбитражных судов различных инстанций, поддерживающие подобную позицию налоговых органов и признающие отказ в регистрации юридического лица по названному основанию правомерным.

Так, постановлением ФАС Восточно-сибирского округа от 16 февраля 2010 г. по делу № А33-12479/2009 решение суда первой инстанции, признавшего отказ налогового органа в государственной регистрации

²¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431.

²² Там же. 2002. № 26. Ст. 2586.

юридического лица правомерным, оставлено без изменения, поскольку в заявлении о регистрации, поданном в налоговый орган, указан код вида экономической деятельности, отсутствующий в постановлении Госстандарта Российской Федерации от 6 ноября 2001 г. «О принятии и введении в действие ОКВЭД»²³. Суды считали, что требуемый законом для регистрации юридического лица документ не соответствует требованиям, предъявляемым к его заполнению, и не может считаться представленным в регистрирующий орган. Аналогичная позиция изложена в постановлении Президиума ВАС РФ от 8 февраля 2011 г. № А60-43906/2009-С10²⁴ и ряде других судебных актов.

Такая позиция правоприменительных и судебных органов вызывает возражения. Во-первых, она основана на расширительном понимании действия по представлению требуемого документа в регистрирующий орган и, по сути, заменяет формальные основания отказа в регистрации, названные в законе сущностными, что противоречит направленности и смыслу Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Во-вторых, понимаемое таким образом требование закона о содержании записей в ЕГРЮЛ лишает смысла положения ГК РФ об общей правоспособности коммерческих организаций, поскольку если не в учредительных документах, то в заявлении о государственной регистрации требуется указывать вполне определенный предмет деятельности с риском отказа в регистрации при предоставлении неточных сведений. Статистическая цель классификатора видов экономической деятельности в искаженном виде трансформируется в обязанность учредителей будущей коммерческой организации определенно избирать предмет деятельности, что сближает ее в этом вопросе с организацией, наделенной специальной правоспособностью.

4. С предыдущим изложением проблем государственной регистрации юридических лиц связан вопрос о допустимости отказа в такой регистрации при наличии в учредительных документах организаций со специальной правоспособностью недостатков, касающихся изложения предмета и цели деятельности. Уже отмечалось, что сугубо формальные основания отказа в регистрации, закрепленные в Федеральном законе «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», не позволяют регистрирующему органу проверять содержание учредительных документов и, следовательно, отказывать в регистрации по сущностным моментам. Однако сам закон допускает возможность установления другим законом специального порядка регистрации отдельных юридических лиц (ст. 10). Такое исключение относится к большинству некоммерческих организаций, создаваемых на основании Федерального закона «О некоммерческих организациях». В настоящее время функцию принятия решения о регистрации этих юридических лиц выполняют органы юстиции, которые при этом руководствуются основаниями отказа, закрепленными в Федеральном законе «О некоммерчес-

²³ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴ Там же.

ких организациях». В частности, п. 1.1 ст. 23.1 названного закона указывает в числе первого основания отказа в регистрации некоммерческой организации противоречие учредительных документов Конституции РФ и законодательству РФ, т.е. тем самым вводит момент проверки учредительных документов создаваемого лица по существу. Позиция органов юстиции, действующих в соответствии с названной нормой, находит поддержку в судебной практике.

Так, по делу об оспаривании отказа главного управления Министерства юстиции по г. Москве в регистрации благотворительного фонда Московский городской суд, действующий в качестве кассационной инстанции, поддержал позицию суда первой инстанции, признавшего отказ обоснованным. Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды исходили из того, что положения устава о праве фонда на занятие образовательной, медицинской или иной экономической деятельностью противоречат общественно полезным целям, ради которых создается фонд и которые исчерпывающе названы в его уставе²⁵.

Существующее различие оснований отказа в регистрации коммерческих и некоммерческих организаций носит серьезный характер, будучи различием формальных и существенных подходов регистрирующего органа к проверке законности создания юридического лица. На наш взгляд, такое расхождение не обусловлено какими-либо принципиальными моментами и лишает систему государственной регистрации юридических лиц единых начал. Вместе с тем действующая проверка учредительных документов некоммерческих организаций регистрирующим органом является некоторым этапом в процессе изменения законодательных подходов к регистрации. Одним из важнейших направлений обновления законодательства о юридических лицах Концепция развития гражданского законодательства РФ видит в возложении на регистрирующий орган обязанностей по проверке достоверности и соответствия действующему законодательству содержания учредительных документов²⁶.

Остановимся на тех негативных последствиях, которые связаны с нарушением требования о специальной правоспособности в процессе дальнейшей деятельности юридического лица, прошедшего процедуру регистрации.

Системный анализ гражданского законодательства позволяет усмотреть первую санкцию для организации, отступившей от требования специальной правоспособности, в нормах института недействительных сделок. Порочным составам неуставных сделок посвящена ст. 173 ГК РФ. Однако она оказывается неприменимой к деятельности большинства организаций, имеющих специальную правоспособность, поскольку по логике постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных

²⁵ Определение Московского городского суда от 26 июля 2011 г. по делу № 33-23218. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁶ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. С. 52.

с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в данной норме речь идет только о ситуациях, когда коммерческое юридическое лицо добровольно ограничило правоспособность в учредительных документах, не будучи обязанным к этому законом (п. 18)²⁷. В случаях же, когда специальная правоспособность предписана императивным образом (и для некоммерческих, и ряда коммерческих организаций), следует применять, по мнению высоких судебных инстанций, общую норму ст. 168 ГК РФ о недействительности сделки, не соответствующей закону, квалифицируя при этом внеуставную сделку в качестве ничтожной.

Разъяснение вызывает определенные сомнения. Естественно, что закон императивно закрепляет для некоммерческих организаций, а также ряда коммерческих юридических лиц положение о специальном характере их правоспособности, но закон не может определить индивидуально цель деятельности каждой конкретной организации, поэтому она сама избирает ее в учредительных документах. Следовательно, действуя внеуставным образом, организация вступает в противоречие не только с общим предписанием закона, но и «целями деятельности, определенно ограниченными в учредительных документах», как гласит состав ст. 173 ГК РФ. Поэтому, если бы не названные разъяснения, любую внеуставную сделку вполне допустимо было бы квалифицировать по ст. 173 ГК РФ.

Пожалуй, одно обстоятельство могло бы явиться препятствием для такой квалификации, а именно дополнительное условие, предусмотренное ст. 173 ГК РФ о том, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о ее незаконности. В литературе отмечается, что «это положение следует буквально понимать так, что другой стороне во внеуставной сделке должно быть известно об ограничениях, имеющих в учредительных документах юридического лица»²⁸. В противном случае контрагент не осознает, что он участвует в сделке с выходом за пределы этих ограничений. Однако, как отмечалось ранее, о незаконности такой сделки говорить весьма сомнительно, поскольку закон не предписывает для организации определение предмета деятельности и не требует поступать в соответствии с ним. В данной статье уже высказывалась мысль о целесообразности исключения из гражданского законодательства норм о возможности самоограничения коммерческой организацией своей правоспособности. Продолжением этого нововведения могло бы быть отнесение внеуставных сделок всех юридических лиц со специальной правоспособностью к категории оспоримых и закрепление этого состава в ст. 173 ГК РФ как специальной нормы без обращения при их квалификации к положениям ст. 168 ГК РФ, устанавливающим в качестве общего правила ничтожность сделки, не соответствующей закону. В таком виде дополнительное условие квалификации в виде небезупречного поведения второй стороны следовало бы исключить, поскольку, вступая в правоотношение с организацией, наделяемой со стороны закона специаль-

²⁷ Вестник Высшего Арбитражного Суда. 1996. № 9. С. 45.

²⁸ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина. М., 2004. С. 527.

ной правоспособностью, контрагент по определению должен понимать ограниченность ее возможностей по заключению сделок и стремиться к получению сведений о предмете и целях деятельности, закрепленных в учредительных документах.

Представляется, что оспоримый характер сделки более соответствует сущности названного нарушения, чем отнесение этого порока к категории ничтожных сделок. Здесь логично заявление не только требования о применении последствий недействительности сделки, но и о самой ее недействительности, поскольку противоречие предмету или цели юридического лица не всегда очевидно и позволяет вести речь о явной противозаконности сделки, а также ссылаться на ее ничтожность в отношениях с контрагентами или в сфере контактов с органами государственной власти. Вопрос несоответствия цели организации и конкретной сделки нередко нуждается в обосновании и констатации в рамках судебного решения.

В качестве примера сложившейся практики судов в вопросах квалификации внеуставной сделки возможно привести конкретный спор, по которому арбитражный суд признал недействительным договор уступки права требования между гражданином – членом потребительского кредитного кооператива (цедентом) и самим кооперативом (цессионарием) к обществу с ограниченной ответственностью, должником которого по договору займа являлся данный гражданин. Суд первой инстанции, решение которого было оставлено без изменения вышестоящими судами, отметил, что согласно уставу кооператив создан для удовлетворения потребностей граждан и юридических лиц в финансовой взаимопомощи в виде предоставления займов только членам кооператива. Однако в результате совершения оспариваемой сделки кооператив принял на себя права и обязанности займодавца по отношению к заемщику – обществу, которое не является членом кооператива, в результате чего вышел за пределы своей специальной правоспособности²⁹.

В подтверждение сказанного выше отметим, что, несмотря на итоговую квалификацию сделки в качестве ничтожной по ст. 169 ГК РФ, как того требуют приводившиеся выше руководящие разъяснения, суд рассматривал заявленное истцом требование именно о признании сделки недействительной. Естественно, что такое решение по ничтожной сделке возможно в силу того же постановления Пленума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда РФ (п. 32). Однако показательна возникшая в данной ситуации необходимость оценки соответствия сделки и цели деятельности юридического лица судом.

Второе последствие, вытекающее из нарушения принципа специальной правоспособности, направлено на прекращение юридического лица-нарушителя. Одним из оснований принудительной ликвидации юридического лица согласно нормам п. 2 ст. 61 ГК РФ является систематическое осуществление некоммерческой организацией деятельности, противоречащей ее уставным целям. Перечисление в этой норме нескольких разно-

²⁹ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 апреля 2012 г. № ВАС-5111/12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

видностей некоммерческих организаций лишено всякого смысла в связи с использованием словосочетания «в том числе». Следовательно, речь идет о любой некоммерческой организации. Необходимо заметить, что проект Федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации, статью 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» в редакции, подготовленной Государственной Думой ко второму чтению³⁰, ограничил действие этой санкции только некоторыми некоммерческими организациями – общественной и религиозной организацией, благотворительным и иным фондом.

Обращает на себя внимание несоответствие терминологии ст. 49 ГК РФ, закрепляющей принцип специальной правоспособности, и названной нормы. Если первая требует соответствия деятельности организации ее уставным целям, то в последней уже речь идет о противоречии таковым. Представляется, что это несовпадающие категории, и санкция ст. 61 ГК РФ по ее буквальному смыслу существенно ограничивает возможности ликвидации юридического лица. Не всякое несоответствие явлений обязательно означает безусловное их противоречие. Скажем, занятие религиозной организацией деятельностью по производству спортивного инвентаря вряд ли противоречит целям распространения основ религиозного учения, закрепленным в уставе организации, но при этом соответствия основным целям этой организации в такой ситуации, естественно, не наблюдается. Возможно, законодатель не имел в виду ограничение сферы применения санкций за неуставную деятельность, и названное расхождение терминов является результатом недоработки в области законодательной техники. Однако думается, использование терминологии в части обозначения сути специальной правоспособности и последствий отступления от такого требования должно быть единообразным.

Таким образом, изложенное свидетельствует о несовершенстве законодательной классификации юридических лиц на коммерческие и некоммерческие, недостаточной проработанности критериев разграничения общей и специальной правоспособности организаций. Надеемся, что в результате проводимой в настоящее время крупномасштабной реформы гражданского законодательства нормы о юридических лицах в этой части приобретут более четкий и системный характер.

³⁰ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Воронежский государственный университет

Сафронова Т. Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса

E-mail: stn71@mail.ru

Тел.: 8-910-348-81-76

Voronezh State University

Safronova T. N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Civil Law and Process Department

E-mail: stn71@mail.ru

Tel.: 8-910-348-81-76